

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.3.1>.

EDN: PIPLJW

*А.И. СОЛОВЬЕВ*¹

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, 1, Ломоносовский проспект, 27/4

ВНУТРИЭЛИТАРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: КОЛЛИЗИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И НАРРАТИВНОЙ СИМВОЛИЗАЦИИ

Аннотация. Центральное место правящих кругов в организации политического порядка не только экранирует воздействие гражданского сектора на распределение общественных ресурсов, но и превращает внутриэлитарные отношения в эпицентр всей системы государственного управления. В отличие от превалирующего применения в публичной сфере инструментов идеологической символизации, позволяющих управлять дискурсивными процессами, в своих внутренних взаимоотношениях элитарные круги используют повествовательные конструкции, позволяющие им точнее и более оперативно вычленять смыслы политических посланий оппонентов разного уровня, необходимых для повышения конкурентоспособности, результативного маневрирования, предугадывания перспектив своего влияния в структурах власти и т.д. Опираясь на релевантные когнитивные и ценностно-ориентационные структуры группового и индивидуального сознания представителей элитарных кругов, политические нарративы не только побуждают их коммуникативную активность, способствующую эффективному осуществлению политико-административных функций, но и повышают дистанцированность от общества и его интересов. Новые размежевания элитарных слоев сохраняют перспективу их дальнейшей автономизации, а также повышения разнообразия используемых нарративов, влияющих на цели государственной политики.

Ключевые слова: правящие элиты, внутри элитарные коммуникации, политическая воля, идеологические формы символизации, политические нарративы.

Для цитирования: Соловьев А.И. Внутриэлитарная коммуникация: коллизии идеологической и нарративной символизации // Власть и элиты. 2024. Т. 11. №. 3. С. 7–28. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.3.1>. EDN: PIPLJW.

ЭЛИТОГЕНЕЗ И ПОЛИТИКА

Традиционно закладываемые в объяснительные схемы политического процесса взаимосвязи государства и общества в значительной степени противостоят более простой эпистемологической конструкции, объясняющей динамику этого сложного взаимодействия в контексте решающей роли правящей элиты. Иначе говоря, статусные позиции этой политической страты, ее относительная автономность (неразрывно связанная со слабым влиянием на ее функционал представительных механизмов), латентный характер принятия ключевых государственных решений, а также абсолютное преимущество профессиональных компетенций элиты по сравнению с навыками политического участия рядовых граждан обеспечивают ей решающие возможности по распоряжению общественными ресурсами и выдвижению политически целесообразных проектов. Принимая во внимание стремление элитарных слоев к постоянному усилению политико-административного контроля за гражданской активностью населения, следует констатировать непрерываемую роль этого сообщества по проектированию целей общественного развития. Коротко говоря, и выдвижение основных агентов формирования государственной политики, и процедуры определения национальных интересов вкупе с политически целесообразными проектами целиком и полностью относятся к прерогативам правящего класса. Таким образом, источником применения власти и политического проектирования являются не столько отношения государства и общества, сколько внутри-элитарные конфликты и отношения. Причем чем острее внутриэлитарная конкуренция, тем короче, в силу постоянного оспаривания их целей, осуществляемые политические проекты.

Одним словом, политическая воля правящих кругов (даже в демократически организованных политиях) была и остается едва ли ни единственным триггером политической инициации государственных стратегий, преодолевающей любые институциональные ограничения вместе с механизмами общественного, медийного или парламентского контроля.

Так или иначе, но именно элитогенез представляет собою стержневой, базовый исторический процесс, регулирующий доступ людей к институтам и механизмам распределения ресурсов, вокруг которого группируются всевозможные поля и арены политической конкуренции за прерогативы государственной власти. То, что многие аналитики презрительно именовали политесом или некоей игрой политических фигур, противопоставленной «большой» и серьезной политике, не позволяющей вскрывать «интересы» общества и формировать базовые конструкции исторического движения, на самом деле было и остается ее ядерным образованием. Образованием, олицетворяющим, однако, не столько «политику без общественности», сколько политику как наиболее гибкую и влиятельную форму проектирования общественных трансформаций.

Проще говоря, основной источник политики — это не столько социальные конфликты классов или иных макросоциальных сообществ, сколько межэлитарные противоречия, в рамках которых различные слои правящего класса стремятся отстаивать разные направления в развитии государства и общества. По своей сути, внутриэлитарная коммуникация — это арена элитарных референдумов для определения победителей, стремящихся продвинуть различные политические проекты и цели (зеленой энергетики, экономики знаний, военизированной экономики или иных стратегических приоритетов).

Стремление различных групп правящего слоя превратить свою программатику в доминирующую конструкцию государственной политики подкрепляется давлением различных околоставных кругов, составляющих их подбрюшье, которое Г. Моска трактовал как «вторую», «элитарную», страту, из которой черпают свои кадры правящие структуры. Однако такие слои представляют собой не только резервуар рекрутинга, но и поле формирования конкурирующих команд, стремящихся потеснить статусных лиц и групп, заняв их место.

По сути, формирующиеся здесь команды в основном и составляют потенциальную угрозу для правящих групп, увеличивая значение основной задачи официальных властей — воспроизводства своего статусного доминирования. Другими словами, именно дистанцированные от центров принятия решений элитарные страты «второго уровня» (а не электоральный выбор или давление общественного мнения) являются основными источниками риска изменения позиций правящих сил. Особенно в тех случаях, когда они увеличивают свою мощь при срастании с разноликими неформальными коалициями, стремящимися преодолеть административные барьеры для участия в разработке государственных решений.

Однако «стремление к власти» этих, условно говоря, второсортных сообществ (полусвета) наряду с желанием статусных группировок обеспечивать свое «первенство», «может... приводить к нейтрализующим и даже контрпродуктивным последствиям в отношении усиления [своего] влияния» [9, р. 5]. Подчеркнем в этой связи, что Галларотти, рассматривая эти процессы в терминах «проклятия» и «иллюзии» власти, связывал неконструктивные последствия ее применения с чрезмерной уверенностью властей в наличии достаточных для своего правления ресурсов, постоянным применением силы и в конечном счете с той политической самоуспокоенностью, которая чревата опасным для общества «безрассудным поведением» и неадекватной «оценкой вызовов и рисков» [9, р. 9]. Мы же дополнили бы такое понимание еще и тем соображением, что как минимум важным (а на наш, взгляд, определяющим) источником такого перерождения власти является непомерная (застилающая в глазах доминантов общественные интересы) внутриэлитарная (в том числе различного уровня) конкуренция. Конкуренция, которая со стороны всех участников этого дискурса направлена на увеличение своего политического влияния и доминирования. Неслучайно, впрочем, и сам процитированный ученый настаивает на том, что «стремление к власти часто создает семена ее собственного разрушения» [9, р. 6]. Причем даже в тех условиях, когда идеологическая и символическая экспансия правящих элитарных группировок укрепляет их статусные преимущества.

Поэтому страны, не вносящие никаких «корректировок», компенсирующих негативные последствия (микро)групповых «стратегий

увеличения власти», неизбежно «становятся жертвами» ее иллюзорного перерождения [9, р. 6]. Даже для доминирующих группировок это оборачивается нарастанием уязвимости и утратой своего влияния и власти. Ну а иллюзия власти для элиты всегда оборачивается нарастанием напряженности, нестабильностью и ущербом для населения. Впрочем, подогревает иллюзорное состояние власти и само общество. Как отмечает ряд ученых, в стране, которая наслаждается политико-экономическим лидерством, «общество становится консервативным, менее инновационным и менее готовым идти на риск» [10, с. 154]. Другими словами, такое общество уже не способно подталкивать и мотивировать своих политиков к инновациям, способным повысить мощь государства и его ресурсную обеспеченность, или же требовать обновления ставших привычными методов правления (зачем менять то, что приносит успех?) и разгерметизацию пула традиционных союзников. В странах авторитарного толка безнаказанность властей, глушащих малейшие демократические импульсы, как правило, еще и не использует при осуществлении власти интеллектуальный капитал общества.

Как бы то ни было, но, учитывая сложнейшее сочетание внутриэлитарных перипетий с мирополитическими конфликтами (неизменно оказывающими мощное влияние на национальные политические площадки), можно солидаризироваться с идеей У. Бека в том, что сегодня мир сталкивается с куда более «туманным пространством власти», нежели раньше [5].

В целом с учетом «стимулирующего» воздействия элит второго эшелона внутренние коммуникации правящих кругов предполагают различные коммуникативные стратегии и практики в рамках соревновательных (использующих легальные методы конкуренции), состязательных (предполагающих применение инновационных методов соперничества), дуальных (партнерских), конкурентных (использующих все возможные методы, ресурсы и связи против явных и неявных противников) или же смутных (отличающихся соперничеством с крайне неопределенными последствиями) взаимодействий (лишенных, однако, органического стремления элитарных представителей к мирным и дружелюбным формам урегулирования внутренних конфликтов).

КОММУНИКАТИВНЫЙ ФОРМАТ ВНУТРИЭЛИТАРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Многопрофильный характер внутриэлитарного взаимодействия задает наиболее общую рамку коммуникативной активности всех сегментов правящего класса, одновременно выдвигая целый ряд требований к этим формам активности. При этом, как можно видеть, правящим кругам приходится выстраивать два контура своей коммуникативной активности. Так, общегражданский контур требует от властей выполнения обусловленных гражданским статусом контролируемых ими институтов регулирующих функций, сокращения транзакционных издержек правительственной деятельности, рационального распределения общественных благ и ресурсов. Второй коммуникативный контур образуют внутриэлитарные отношения, которые неразрывно связаны с поддержанием контактов с бенефициарами и привилегированными группами (нередко составляющими с правящими слоями некую коллаборацию). Этот контур суть коммуникативное содержание бесконечных маневров различных сегментов правящих (и оппонирующих) элитарных кругов, той «игры», которая, по мысли П. Бурдьё, «не содержит в себе... истины» и тем самым ориентации на общепризнанные гражданские цели.

Каждый из этих контуров предполагает не только разные связующие коммуникаторов и реципиентов формы, но и определенные способы продвижения политически значимых сообщений, причем неразрывно связанных с применением характерных для них лингвосомагических инструментов, позволяющих людям вычленять из обрастающих символов релевантные смыслы и ценности.

Как показал опыт последних полутора-двух столетий, рамки первого контура по преимуществу наполнял доктринальный или идеологический способ идентификации политических явлений и целей. Именно идеологии, в основе которых лежали рационально-теоретические или во всяком случае систематизированные представления об источниках и перспективах развития общества, предлагали людям четкую и как бы доказанную предшествующим опытом схематику объяснения всех социально-политических коллизий.

Понятно, что для рядовых граждан усвоение таких концептуально оформленных и систематизированных политически значимых событий

было опосредованы целым рядом промежуточных агитационно-пропагандистских механизмов, последовательно раскрывающих смысловые конструкции этих доктрин. В итоге это и позволяло не только достигать того или иного уровня мобилизационной поддержки населением доктринально заданных целей и планов, но и обеспечивать некую внутреннюю связь рядовых граждан с эксплуатирующими эти идеи элитарными группировками.

Мировой опыт показал, что правящие элиты постоянно использовали и используют доктринальные формы символизации идеалов и целей государственной политики в качестве основного инструмента управления массовым дискурсом. Эти идеологизированные практики, подкрепленные императивной координацией действий институтов власти и активностью пропагандистской коалиции, не только создавали и создают интегративный эффект в массовом сознании, но и выступают условием «аргументированного» оспаривания принципов и целей оппозиционных сил. Включая же в эту стратегию различные «идеологизированные структуры» (Грамши) — киноиндустрию, театральное и художественное искусство, систему образования, индустрию спорта высоких достижений и др., власти формируют весьма централизованную систему идейного воздействия на население, стремящуюся учитывать специфику его субкультурного и поколенческого характера.

И хотя история знает примеры тоталитарного исполнения такого рода стратегии, превращающей идеологию в основание системы правления и политического террора, однако и без этих крайностей идеологизация массового дискурса и институционального дизайна приносила элитарным кругам все политические дивиденды. В том числе позволяя под прикрытием идеологических конструкций осуществлять свои подлинные цели.

Убедительным примером того, как под разговоры об идеологических принципах власти решали собственные задачи, могут стать действия правящих кругов ведущих западных стран, правительства которых (на фоне спекулятивных образов будущего и под прикрытием разговоров о правах человека и преимуществах демократического устройства) утвердили целый ряд черт, запрещенных демократическими правилами игры (соединение экономической и политической власти, концентрацию силового блока вокруг капитала и др.). Тем

самым правящие элиты превратили институты либеральной демократии в структуры неолиберальной системы, т.е. «авторитарной этатистской формы неолиберального режима, характерного для государства... <...> ...жесткой экономии, требующего усиленного надзора и контроля для своего поддержания» [12, с. 343, 360]. В итоге такое содержание массового дискурса в этих странах стало заметной причиной трансформации приоритетов «свободных рынков и либерального государства в... <...> ...политические инициативы», устраняющие препятствия «для неолиберального проекта» [12, с. 349, 356].

Понятно, однако, что коммуникативные механизмы и технологии управления массовым дискурсом трансформируют идеологические принципы и инвективы в виде пропагандистско-агитационных текстов, рекламных продуктов или политических нарративов. Причем, как показывает практика, политические рассказы и мистерии постепенно становятся ключевым (и даже, по существу, оппонирующим идеологиям) методом управления общественным мнением [15]. И все же на макрополитическом публичном уровне идеологические основы воздействия властей на массовое сознание пока обладают платформенным характером.

Одним словом, формирование массовой коммуникации и организация дискурсивной среды с использованием доктринальных инструментов стало важнейшей политической задачей правящих кругов, вынужденных в рамках своего функционала поддерживать связи с обществом, контролируя и предупреждая угрожающие их положению протесты. Понятно, однако, что использование идеологических мотивов и постулатов, направленных на объяснение населению программного содержания действий властей и формирование массовой коммуникации, неразрывно связано с задачами властного самовоспроизводства, поддержанием определенной легитимации и утверждением определенного порядка в распределении ключевых общественных ресурсов. Собственно, именно по этим причинам власти, делая упор на доктринальные способы символизации политических целей, и стремились формировать у населения соответствующие культурные стереотипы.

Однако резкое усложнение мирополитических отношений в значительной степени обесценило значение схематической символизации мира, сохранив значение лишь некоторых мифов и принципов, вокруг

которых новые поколения время от времени пытались и пытаются создать те или иные сообщества и движения. Помимо этого, резко сокращению эффективности доктринальной символизации способствовало и становящееся все более очевидным для общества расхождение политической риторики лидеров с реальными результатами идеологически сформированной правительственной политики. И это неудивительно, ибо характерное для республиканского типа правления наличие по преимуществу латентного, скрытого от общества механизма распределения общественных ресурсов не только сохраняло для населения непонимание ни целей политики, ни адресатов получения преимущественных ресурсов, но и саму соотнесенность «благородных» идеологических принципов с реальной жизнью.

Однако риторический характер доктринальной символизации не только дистанцировал общество от фактических механизмов управления обществом, но одновременно и повышал политическую стоимость внутриэлитарных контактов. То есть тех форм коммуникации, которые вне зависимости от контактов властей с различными сегментами гражданского сектора были непосредственно спроецированы на регулирование баланса сил в структуре правящего класса и распределение общественных благ и ресурсов. Поскольку складывающиеся в рамках второго контура статусные и неформальные отношения элитарных групп представляли наиболее влиятельную, условно говоря, ближнюю деловую среду принятия ключевых государственных решений (распределения ресурсов в адрес привилегированных общественных слоев), то именно эти коммуникации (а не связи с обществом граждан) и превращались в эпицентр применения государственной власти. Именно поэтому характерный для таких коммуникаций обмен смысломсодержащими посланиями и определял, как власти будут реагировать на запросы общества и вызовы времени, каким образом станет складываться реальная правительственная повестка и соотношение тактических и стратегических планов, а в конечном счете будут формироваться национальные интересы [4].

Подчеркнем и то, что мощным фактором, способствующим непрерывному повышению политического значения внутриэлитарных коммуникаций, стало качественное превосходство профессиональных компетенций элиты по сравнению с соответствующим уровнем по-

литико-управленческих качеств населения. В этой связи уместно вспомнить, что ученые относят постоянное увеличение компетентного разрыва элитарных слоев и населения к устойчивой тенденции эволюции как правящих кругов, так и общества в целом [3]. Во многом именно это преимущество предоставляет правящим кругам исключительные возможности для повышения эффективности политического управления обществом и усиления роли непубличных (повышающих теневую маргинальность госрегулирования) форм политического проектирования.

Понятно, однако, что внутриэлитарная коммуникация, обладая своей очевидной спецификой, неизбежно содержит целый ряд универсальных параметров, в том числе присущих символическому обмену смылосодержащих посланий, отражающих целевые и процессуальные характеристики намерения различных элитарных акторов.

В целом, по мнению У. Фишера, принадлежащие к элитарным кругам персоны воспринимают мир в рамках рациональной парадигмы или же собственно повествовательных конструкций [8]. Такой подход позволяет им вполне адекватно осознавать существо и последовательность событий, формировать определенную логику восприятия действительности, вычленять в символических продуктах необходимые смыслы. Конечно, возразим упомянутому теоретику, помимо рациональных форм отображения политических реалий в социальном пространстве применения власти с тем же успехом используются мифологические, религиозные и даже сугубо экстраординарные способы означивания политических явлений.

И хотя некоторые авторитетные ученые [11] рассматривают идеологические расколы как один из существенных источников элитогенеза, представляется, что для правящих кругов все стоящие перед ними (в том числе идеологически обусловленные) задачи в конечном счете подчинены более значимой цели — своему самовоспроизводству в пространстве власти. Именно этот мотив выравнивает элитарные интересы и умиряет конкуренцию даже самых амбициозных лидеров, не контролирующих свой «властический инстинкт». В силу этого все группы, обладающие в истеблишменте неким позиционированием (в том числе те, кто еще не проникся «запахом власти»), ради недопущения воспламенения гражданской активности (способной разру-

шить устоявшиеся каналы влияния, чем могут воспользоваться оппоненты), стремятся продуцировать в публичном дискурсе политически нейтральные сюжеты, отвлекающие население от подлинных замыслов властей. В рамках этой базовой задачи выравнивают свое значение и «умные торги» рациональных игроков (Р. Инглхарт), и экстраординарные акции нетерпеливых соискателей власти, использующих любые доводы для обладания доминирующими позициями.

Понятно, что обозначенные задачи правящих кругов определяют вполне ритуальное использование идеологической символизации политических меседжей. И только общеполитические кризисы, отражающие мощные социально политические сдвиги и качественную смену выигрышных коалиций, превращают идеологии в мощный фактор внутриэлитарных размежеваний. Иначе говоря, для элит, чьи представители действуют в пространстве практически значимых процедур и механизмов политико-административного регулирования конкретных задач, приверженность каким-то абстрактным идеям превращается в наследие прошлого века. В политическом пространстве, где решаются прагматические задачи, доктринальная символизация, делающая акцент на эмпирически ненаблюдаемых явлениях и «стерильных» истинах (З. Блок), оставляет для применения лишь свою антагонистическую направленность (укрывая «обглоданные» временем предвзятые аргументы, софистику и демагогию).

Другими словами, правящие круги, решая задачи по повседневному управлению и распределению крупных общественных ресурсов, отнюдь не стремятся исходить из рациональных схем, «исчерпывающих» все известные им социально-политические коллизии, предпочитая этим картинам мира сугубо практические соображения, обусловленные их интересами и потребностями наиболее ресурсно оснащенных групп и слоев. И в этом отношении у правящих элит нет ограничений даже в плане политической блокировки деятельности институтов и исчерпанию их общегражданского потенциала.

НАРРАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВНУТРИЭЛИТАРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

На фоне основных мотивов правящей элиты, повышающей свою профессионализацию и групповую «герметизацию» [3, с. 17], склады-

ваются свой набор используемых ею коммуникативных инструментов и методов. В целом перечень таких инструментов задается «правилами игры», устанавливаемой выигрышной коалицией и регулирующими внутри элитарную конкуренцию. Однако их применение предполагает и наличие «экстраординарных мандатов», позволяющих лидерам различных элитарных сегментов урегулировать внутренние и внешние кризисы.

В рамках этих договорных отношений во внутриэлитарных коммуникациях происходит замена доктринально заданных на повествовательные формы символизации, позволяющие экономнее, точнее и оперативнее выражать и извлекать смыслы, заложенные в политических посланиях соперничающих сторон. В своем семантическом плане нарративы представляют собой «истории, используемые актерами для убеждения других поддержать предпочитаемые ими политические действия» [17, с. 345], которые эмоционально и даже бессознательно подкрепляют приоритеты и цели политических проектов. Даже с неврологической точки зрения рассказы являются обычной эмоционально заряженной формой обработки информации и коммуникации для людей с их ограниченными когнитивными способностями [6].

Как общечеловеческие формы интерпретации реальности, нарративы, атакуя противоречивое мышление элитарных групп и фигур их же языком и активизацией «политических рецепторов», проникают в глубокие структуры индивидуального и группового сознания. При этом когнитивная доверчивость к нарративам расширяет плюральность выбора политических позиций фигур из элитарных слоев, активизирующих свое значение лишь на собственной культурной почве и в соответствии с персональными и микрогрупповыми убеждениями о «справедливости», «порядке» и пр.

Эти политические рассказы отличаются принципиально целостным, нетранзитивным характером, связывающим характерный для властвующих особ уровень повседневного мышления (лишенного использования абстрактных сущностей бытования) с содержанием, смыслом и значением политического месседжа. Таким образом, в смысловом ядре нарратива оказываются связи не с целями и принципами, а с установками и убеждениями ментального свойства, коренящимися в «переплетенной» среде человеческой жизнедеятельности

и (что принципиально важно для элитарного корпуса) образующими субкультурную колею кодирования всех обращающихся в поле политики символических посланий.

С одной стороны, представители элитарного корпуса — это обычные люди. С другой стороны, они выполняют весьма специфические функции. В этом плане для них политические рассказы становятся принципиально важными символическими сигналами, содержащими как прямые сведения, так и косвенные намеки (аккумулирующие интуитивные предположения, ассоциации и др.), позволяющие им повышать свою конкурентоспособность и одновременно обеспечивать безопасность в условиях острого соперничества за власть и ее атрибуты (вплоть до таких очень важных представителям власти «мелочей», как размер кабинетов, численности охраны, марки автомобилей и пр.)¹. Причем, в отличие от использования таких повествований в массовом дискурсе, применяющиеся во внутриэлитарных контактах нарративы так или иначе сохраняют границы данного сообщества от основной части населения [15; 16]. Однако и внутри элитарного слоя эти семантические и когнитивные конструкции (политические истории, рассказы, мистерии) приближаются к своему автохтонному и, по сути, профанному социокультурному содержанию.

Для представителей элитарных групп нарративы представляют содержательно емкую, частично метафорическую, побуждающую ассоциативные связи смысловую развертку, содержащую апелляцию к знакомым образам, формам передачи и интерпретации фактов (в лингвистическом отношении включая даже ненормативную лексику). По сути, эти политические рассказы транслируют сигналы, позволяющие реципиенту осуществить микрополитическую иденти-

¹ В этом контексте параметры их профессиональных идентификационных моделей связываются не столько с противопоставлением интересов соперничающих групп или с противопоставлением характерных для них ценностей [1, с. 223–225], сколько с универсальными морально-этическими ориентирами и нормами, заданными средой их повседневной жизнедеятельности (носящими «бытовой» характер и заданными самыми ранними этапами их социализации), которые отзываются во всех (в том числе в специализированных административно-политических) формах их политической и гражданской активности.

фикацию коммуникатора, поместив поступающую информацию в контекст достижения своих задач и функций.

Коротко говоря, в этом политическом пространстве когнитивных конструкций нарративы обеспечивают интенциональную связь в единой смысловой картине явных и предполагаемых событий, смыслов и образов, логических и эмоционально-чувственных оценок, что в конечном счете выражено в явных и подразумеваемых политических текстах и подтекстах. Такие нарративы помогают представителям элитарных кругов выяснить, где можно получить властно значимые ресурсы, кто в рамках этой стратегии окажется своим или чужим, кто защитит и обеспечит безопасность продвижения к этим активам.

С функциональной точки зрения во внутриэлитарных отношениях политические рассказы, апеллируя к базовым основам повседневной деятельности и служебным задачам, стремятся извлечь и сохранить у представителей элитарных кругов самые важные для них смыслозначимые сведения. К последним следует отнести:

- обнаружение симптомов угроз их безопасности и рисков сохранения своего местоположения (особенно в связи с возможными распознаваниями их несанкционированных связей с бизнес-партнерами за пределами служебной иерархии или криминальной коллаборации с бенефициарами, принимаемыми ими решений)¹;
- сведения о повышении/понижении собственных позиций или о шансах компрометации противников;
- информацию о сужении или расширении возможностей политического маневрирования;
- намеки и полунамеки об определении состава конкурирующих группировок и клик, демонстрирующих волатильный характер их статусной переконфигурации;
- сведения о местоположении и графике передвижения первых лиц (для организации встреч и планирования возможных прямых контактов);

¹ «Эмоциональная специфика политического символизма, — пишет М. Эдельман, — заключается в том, что он сообщает либо угрозу, либо чувство безопасности», в силу чего обозначение лидеров и врагов, кризисов и проблем превращается в основополагающие элементы символической конструкции политики [7, с. 7].

— понимание перспектив повышения/понижения позиций при сочетании своих «фланговых» проектов с центральными задачами государственной политики.

В рамках решения этих задач когнитивные фильтры и интерпретационные модели относительно повествовательных конструкций формируются не столько на интеллектуальной, сколько на эмпирически созерцательной базе жизнедеятельности всех доступных для наблюдения элитарных слоев и фигур. В этом аспекте, повторимся, идеологическая аргументация просто не корреспондирует с характером их коммуникативной активности, в силу чего представители элит активно используют иные семантические упрощения смысловых посланий — сленг и ненормативную лексику, процедуры сдвигов ангела/дьявола, ерестетику и др.

В этом политическом пространстве нарративы нацелены прежде всего не на символическую трансляцию истины, а на подтверждение правоты имеющихся у представителей элиты образов, т.е. «своей правды». Другими словами, эти когнитивные конструкции, апеллируя к повседневным, средовым формам (микро)групповой идентификации представителей элиты, связывают воедино продвигающие их позиции прямые и косвенные аргументы, тексты и подтексты. Такие приемы смысловыделения позволяют элитарным фигурам не только обнаруживать и транслировать важные для них политические значения текстов, но и передавать скрытые, потенциально значимые смыслы этих посланий [2, с. 113]. И это особенно эффективно, когда за счет недекларируемого характера общения и скрытности собственных замыслов, коммуникаторы получают возможность получения доступа к информационным ресурсам конкурентов.

Важно при этом, что нарративы сосредоточены на апелляции к уже «знакомым» человеку и частично архетипизированным и устойчивым значениям и образам (со всеми присущими им стандартами восприятия, иллюзиями, заблуждениями и антропными ограничениями). Это те тексты, в которых представители правящих кругов воспринимают «знакомые» трактовки событий и образов мира. По сути, эти политические повествования будируют внутренний отклик неких приоритетно усвоенных и закрепленных в сознании людей значений, которые «дремлют» до момента их активации символами борьбы, соперниче-

ства или солидаризации с определенными сообществами и их политически целесообразными целями. При этом нарративы исключают критическое переосмысление сложившейся в этой «деловой» коммуникации базовой когнитивной архитектоники, тем самым сужая вариативность смыслов в рамках складывающегося контекста.

Учитывая ориентацию власти на распределение ресурсов, центральной ареной применения нарративов является принятие ключевых государственных решений, целиком и полностью контролируемая правящими кругами и являющаяся непроницаемой ни для населения, ни для научных исследований (по крайней мере рассчитывающих получить достоверную информацию о содержании складывающихся там деловых коммуникаций). В рамках этой ядерной конструкции государственной власти, контролируемой фактически доминирующими в обществе силами, нарративы активируют как микро- (межличностные), так и мезо- (коалиционные, групповые) политические коммуникации, создавая сложные пересечения смысловых посланий героев и антигероев, персонажей и рассказчиков. И хотя данные связи, как правило, не обладают публичными формами побуждаемых, тем не менее они являются эпицентром взаимосвязей государства и общества, воплощая движение и столкновение их интересов, позиций и намерений.

Иначе говоря, на арене принимаемых ими решений у нарративов рассказов существенно повышается их политический функционал. В данном случае риторические и ментально обусловленные способы передачи сведений, апеллирующих к идентификационным и культурным стандартам представителей элиты, нужны с целью не только защитить свои позиции от конкурентов (способных использовать для давления институциональные механизмы оспаривания решений), помогая сломить их сопротивление при выработке политически целесообразных целей государственных проектов. Не менее важной задачей становится и защита этой зоны коммуникации от публичной заинтересованности населения в прояснении грядущих планов. В силу этого для представителей элиты крайне важно «не проговориться», сохранив в неприкосновенности подлинные (учитывающие корпоративные и партикулярные интересы) цели.

Таким образом, элитарные игроки вынуждены говорить, не проговариваясь, стараться не допускать утечек информации, общаться

крайне осторожно, осознавая гипотетически возможные угрозы и риски при разработке решений. Особенно те, которые содержатся в неформальных контактах в зоне принятия решений. Неудивительно, что данные задачи переполняют нарративные коммуникации многочисленными подтекстами, транслирующими важную, но подразумеваемую и не оглашаемую при контактах различных элитарных фигур информацию.

Как правило, политическая стоимость косвенных аргументов, намеков и полунамеков, транслируемых в том числе при помощи невербальных инструментов, обладает весьма высокой стоимостью и нередко заставляет этих людей оперативно менять значения важных для них микрополитических процессов и пересматривать свои отношения к партнерам и коллегам (как говорят в народе, «переобуться на лету»). Понятно поэтому, что в этой недекларируемой политической зоне нарративные коммуникации, снижая неопределенность ситуации (прикрываемой публичными демаршами), не только вытесняют доктринальные формы аргументации и отодвигают на второй план любые моральные инвективы, но и меняют отношение людей к официально прокламируемым идеям и целям (которые они должны защищать)¹.

Так или иначе, но применяясь в условиях не очаговой, а перманентной политизации внутри элитарных отношений, нарративы позволяют быстрее определить «победителя» корпоративных сражений, выработать тактику объединения более слабых игроков под флагом выигрышной коалиции или же сохранить незаинтересованным группам относительную автономию и безопасную диспозицию (позволяя при этом проявлять им свою семантическую агрессию, но не дискурсивную интервенцию). Возможно, единственным положительным для общества последствием таких недекларируемых коммуникаций является более оперативный поиск различными элитарными группами тех политико-административных пустот (куда

¹ В этом смысле там, где нарративы воспламеняют у представителей правящих кругов общечеловеческие мотивы их политической активности и провоцируют их пренебречь целями в угоду нравственным принципам, такие повествования несут угрозу правящей элите.

их вытесняют более сильные игроки, а нарративные сюжеты помогают быстрее определиться со своими планами), которые они могут использовать для продвижения своих проектов и повышения политического влияния.

Важным фактором усиления или ослабления внутриэлитарной напряженности, как правило, выступает вмешательство в эти коммуникации первых лиц. С рассматриваемой нами точки зрения такое вмешательство может выражаться в благожелательном оглашении и даже тиражировании лидерами политических рассказов одной из сторон. Или же, напротив, критически трактовать повествования, транслирующих прямо противоположные смыслы.

Следует подчеркнуть, что нарративы активно используются и в параллельных потоках власти, создаваемых сетевыми ассоциациями и провоцирующими особые (в том числе коррупционные) сделки, в конечном счете формирующими некий «новый конституционализм» (С. Гилл) или создавая дополнительную рамку для системы управления государством. Так что даже в неформальных коммуникациях, формирующих во власти параллельные потоки энергии политических инвесторов и провоцирующих формирование новых экстерриториальных механизмов для разрешения внутри элитарных споров, нарративы формируют «сплачивающие» эффекты (М. Фридэн), выступая при этом своеобразным «клеем», скрепляющим данные сообщества в качестве единых политических организмов [14].

Конечно, надо признать, что с точки зрения политико-управленческого профиля деятельности элитарных кругов применение нарративов содержит определенные риски, поскольку они не только апеллируют к предметно-бытовым стереотипам, страхам или вероисповедальным мотивам и предубеждениям, содержащих для этих людей неоспариваемые и стереотипизированные смыслы и образы, но и противостоят сугубо аналитическим методам означивания политических явлений. Так что даже при составлении государственных планов (!) нарративы обладают большей эффективностью по сравнению с научными и даже техническими аргументами [13]. Понятно поэтому, что характерные для элиты партикулярные «ракурсы политической картины мира», подкрепляемые нарративами, могут нести существенные угрозы для интересов общества.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Как можно видеть, использование нарративов, являющихся основным содержанием «деловой речи» (с ее вербальными и невербальными элементами) во внутриэлитарной коммуникации, не только упрощает все формы политически целесообразного делового общения, но и повышает дистанцированность элиты от общества, подкрепляя тенденцию ее автономизации и снижения политического потенциала масс (и, следовательно, укрепления предпосылок самоуспокоенности властей). В конечном счете главная задача политических повествований состоит в трансляции высокозначимых сведений для сохранения доминирующими группировками своего влияния, а также ресурсного обеспечения привилегированных групп.

Как вспомогательная когнитивная конструкция, нарративы сокращают время извлечения смыслов во внутриэлитарной коммуникации, следствием чего может становиться обострение конкуренции, повышение темпов соперничества, а в случае концентрации внимания правящих кругов исключительно на внутреннем соперничестве своих группировок и увеличение рисков для общественного порядка. В тех же ситуациях, когда внутриэлитарные конфликты отражаются в нарастающем столкновении нарративов, откликающихся в публичном дискурсе, можно говорить об усилении напряженности в системе управления, а в ряде случаев даже о признаках существенных подвижек в структурах власти (не исключая и готовящегося транзита власти). Когда же такие конфликты разгораются между наиболее ресурсно оснащенными группировками правящего слоя, государство и общество подвергаются серьезным опасностям. К примеру, как пишет Б. Джессоп, когда кризисы происходят «внутри силового блока... существует серьезная угроза экономическому и политическому порядку» в этом государстве [12, с. 361].

Очевидно, что более интенсивные контакты (в том числе выходящие за рамки принятых в том или ином государстве стандартных норм), особенно новые внутренние размежевания элиты, будут изменять и содержание коммуникативной активности элитарных слоев, востребуя новые истории, как поддерживающие политические проекты, так и оспаривающие их со стороны оппонентов. Однако в настоящее время за текущим обновлением внутриэлитарного дискурса

трудно увидеть симптомы изменений, повышающих шансы общества в деле продвижения своих интересов на арену принятия ключевых государственных решений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьев Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

Телефон: 495 939 29 19 **Электронная почта:** solovyev@spa.msu.ru

Research Article

ALEKSANDR I. SOLOVIEV¹

¹ Lomonosov Moscow State University School of Public Administration
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, Lomonosovsky Prospect, 27/4

**INTRA-ELITE COMMUNICATION: COLLISIONS OF IDEOLOGICAL
AND NARRATIVE SYMBOLIZATION**

Abstract. The central place of the ruling circles in the organization of the political order not only screens the influence of the civil sector on the distribution of public resources, but also turns intra-elite relations into the epicenter of the entire system of public administration. In contrast to the prevailing use of ideological symbolization tools in the public sphere, which allow managing discursive processes, in their internal relations, elite circles use narrative constructions that allow them to more accurately and quickly isolate the meanings of political messages of opponents at different levels, which are necessary to increase competitiveness, effective maneuvering, predict the prospects for their influence in the power structures, etc. Relying on the relevant cognitive and value-oriented structures of the group and individual consciousness of representatives of elite circles, political narratives not only encourage their communicative activity, contributing to the effective implementation of political and administrative functions, but also increase their distance from society and its interests. New divisions of elite strata preserve the prospect of their further autonomy, as well as an increase in the diversity of narratives used that influence the goals of state policy.

Keywords: ruling elites, intra-elite communications, political will, ideological forms of symbolization, political narratives.

For citation: Soloviev A.I. Intra-elite communication: collisions of ideological and narrative symbolization. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 3. P. 7–28. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.3.1>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr I. Soloviev, Doctor of Political Science, Professor, Professor, Head of Political Analysis Department, Lomonosov Moscow State University, School of Public Administration. **Phone:** +7 (495) 939 29 19. **Email:** solovyev@spa.msu.ru.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Лункин Р.Н. Идентизм: конкуренция нарративов // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2023. С. 227–234. Lunkin R.N. Identism: Competition of Narratives. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Noveye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Ves' Mir, 2023. P. 227–234. (In Russ.).
2. Петросян С.П. Символ: сущность и предназначение // Вестник Омского университета. 2018. № 4 (23). С. 103–114. [https://doi.org/10.25513/1812-3996.2018.23\(4\).103-114](https://doi.org/10.25513/1812-3996.2018.23(4).103-114). EDN: YPWWSST. Petrosyan S.P. Symbol: essence and purpose. *Bulletin of Omsk University*. 2018. No. 4. P. 103–114. (In Russ.).
3. Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: РОССПЭН, 2017. 151 с. Smirnov V.A. *Politicheskie elity v malykh stranakh: voprosy teorii* [Political elites in small countries: theoretical issues]. М.: ROSSPEN, 2017. 151 pp. (In Russ.).
4. Соловьев А.И. Политические инновации: очевидные смыслы и неочевидность реальности // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 120–140. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.08>. EDN: HMFLAW. Soloviev A.I. Political innovations: obvious meanings and non-obviousness of reality. *Polis. Political studies*. 2023. No. 5. P. 120–140. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.08>. (In Russ.).
5. Beck U. *Power in the Global Age: A New Global Political Economy*. Malden: Polity, 2005. 365 p.
6. Berinsky A.J., Kinder D. R. Making sense of issues through media frames: understanding the Kosovo crisis. *The Journal of Politics*. 2006. Vol. 68, No. 3. P.640–656. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2006.00451.x>
7. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana. Il.: University of Illinois Press, 1985. 215 p.
8. Fisher W. Narration as a Human Communication Paradigm: The Case of Public Moral Argument. *Communication Monographs*. 1984. Vol. 51. No. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/03637758409390180>.

9. Gallarotti G. M. *The Power Curse: The Paradox of Power in World Politics Division II Faculty Publications. Paper 58*. Middletown, CT: Wesleyan University, 2011. 34 p. <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/58>
10. Gilpin R. *War and Change in World Politics*. New York: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
11. Higley J. Pakulski J. Elites, Elitism and Elite Theory: Unending Confusion ? // *Papers for World Congress of the International Political Science Association*. 2012. Vol. 37, No. 1. P. 9–20.
12. Jessop B. Authoritarian Neoliberalism: Periodization and Critique. *South Atlantic Quarterly*. 2019. Vol. 118, No. 2. P. 343–361. <https://doi.org/10.1215/00382876-7381182>.
13. Jones M., Song G. Making Sense of Climate Change: How Story Frames Shape Cognition. *Political Psychology*. 2014. Vol. 35, No. 4. P. 447–476. <https://doi.org/10.1111/pops.12057>.
14. Jungrav-Gieorgica N. Narrative Policy Framework — public policy as a battle of narratives. *Studia z Polityki Publicznej*. 2020. Vol. 7, No. 2 (26). P. 109–135. <https://doi.org/10.33119/KSzPP/2020.2.5>.
15. Shanahan E. A., Raile E. D., French K. A., McEvoy J. Bounded stories. *Policy Studies Journal*. 2018. Vol. 46, No. 4. P. 922– 948. <https://doi.org/10.1111/psj.12269>.
16. Shanahan E. A., Jones M. D., McBeth M. K., Radaelli C. M. The Narrative Policy Framework. *Theories of the policy process*. Ed. by C. M. Weible and P. A. Sabatier. Boulder, Colorado: Westview Press, 2018. P. 173–213.
17. Tosun J., Schaub S. Constructing policy narratives for transnational mobilization: Insights from European Citizens' Initiatives. *European Policy Analysis*. 2021. Vol. 7. No. S2. P. 344–364. <https://doi.org/10.1002/epa2.1125>.